

Валерий Брюсов

**Поэзия Армении с древнейших
времен**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б89

Б89 **Брюсов В.Я.**
Поэзия Армении с древнейших времен / Валерий Брюсов – М.: Книга по Тре-
бованию, 2014. – 530 с.

ISBN 978-5-518-01547-0

ISBN 978-5-518-01547-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПОЭЗІЯ АРМЕНІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

ДО НАШИХЪ ДНЕЙ

въ переводѣ русскихъ поэтовъ:

Ю. К. Балтрушайтиса, К. Д. Балъмонта,
А. А. Блока, академика И. А. Бунина,
Валерія Брюсова, Ю. А. Веселовскаго,
Ю. Н. Верховскаго, Вячеслава Иванова,
Федора Сологуба, В. Ф. Ходасевича,
С. В. Шервинскаго и др.,

подъ редакціей, со вступительнымъ
очеркомъ и примѣчаніями
ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА.

Изданіе

Московскаго Армянскаго Комитета.

1916.

ОБЪЯСНЕНИЯ РЕДАКЦИИ.

- I. Отъ редактора къ читателямъ.—II. Задачи изданія.—
- III. РАСПРЕДѢЛЕНИЕ РАБОТЪ.

- I. *Валерій Брюсовъ*. Отъ редактора къ читателямъ.
- II. *Редакція*. Задачи изданія.
- III. » » Распредѣленіе работъ.

ОТЪ РЕДАКТОРА КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Врядъ ли я ошибусь, если скажу, что армянская поэзія, особенно поэзія прошлыхъ вѣковъ, составляетъ для большинства русскихъ читателей то самое, что на старинныхъ географическихкихъ картахъ означалось бѣлымъ мѣстомъ съ лаконической надписью: terra incognita — область невѣдомая. Тѣмъ смѣлѣе я могу высказывать такое предложеніе, что еще очень недавно и самъ я былъ въ положеніи такихъ читателей: и для меня поэзія Арменіи была чѣмъ-то неизвѣстнымъ, съ чѣмъ я былъ знакомъ лишь по смутнымъ и неопредѣленнымъ слухамъ. Мнѣ случалось читать произведенія нѣкоторыхъ ново-армянскихъ писателей (въ переводѣ Ю. Веселовскаго и др.); мнѣ приходилось, среди моихъ историческихкихъ занятій, знакомиться съ эпизодами изъ исторіи Арменіи, показавшими мнѣ, какого высокаго культурнаго уровня достигъ армянскій народъ уже въ древности и въ началѣ среднихъ вѣковъ; наконецъ, по статьѣ Я. Полонскаго и по его подражаніямъ стихамъ Саятъ-Новы, я могъ составить нѣкоторое понятіе о высокой художественности поэзіи лучшихъ ашуговъ (народныхъ пѣвцовъ Арменіи). Но всѣ эти свѣдѣнія были разрознены и далеко не давали представленія объ истинномъ богатствѣ армянской литературы. Впрочемъ, и нельзя было ставить мнѣ и другимъ русскимъ читателямъ такую неосвѣдомленность въ вину, такъ какъ, на русскомъ языкѣ, почти не откуда было почерпнуть болѣе основательныя свѣдѣнія по исторіи Арменіи и не существовало сочиненій, которыя могли бы познакомить съ художественными сокровищами прошлаго армянской литературы.¹

¹ Въ другомъ мѣстѣ (въ моей отдѣльной брошюрѣ: «Очеркъ историческихкихъ судьбъ армянскаго народа») я болѣе подробно разсматриваю рус-

Вотъ почему, когда, въ іюлѣ прошлаго года, ко мнѣ обратились представители Московскаго Армянскаго Комитета съ просьбой принять на себя редактированіе сборника, посвященнаго армянской поэзіи въ русскомъ переводѣ, я сначала отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Съ одной стороны, мнѣ представлялось невозможнымъ редактировать книгу, относящуюся къ той области знанія, которая мнѣ была едва знакома; съ другой (сознаюсь въ этомъ откровенно)—я не предвидѣлъ, чтобы подобная работа могла дать что-либо важное, что-либо цѣнное мнѣ самому. Только послѣ долгихъ настояній отдѣльныхъ представителей Комитета,—которымъ за это я обязанъ глубокой благодарностью,—согласился я сдѣлать опытъ, пробу: присмотрѣться къ работѣ ближе и, лишь вникнувъ въ нее, дать окончательный отвѣтъ. Между прочимъ, непремѣннымъ условіемъ своего согласія я поставилъ одно: чтобы мнѣ дана была возможность ознакомиться съ армянскимъ языкомъ и изучить, хотя бы въ общихъ чертахъ, какъ исторію армянскаго народа, такъ и исторію его литературы. Послѣ этого, одинъ изъ представителей Комитета, любезно принявъ на себя обязанности быть моимъ учителемъ, моимъ профессоромъ, началъ давать мнѣ уроки языка и читать мнѣ курсъ лекцій по исторіи армянской литературы....

Съ того времени прошло немногимъ больше полугода,—срокъ, конечно, крайне недостаточный, чтобы получить сколько-нибудь основательныя свѣдѣнія объ исторіи народа, обнимающей 2¹/₂ тысячелѣтія, и объ исторіи литературы, начало которой вос-

скія сочиненія объ Арменіи. Здѣсь же ограничусь замѣчаніемъ, что, на русскомъ языкѣ, литература по исторіи Арменіи сводится: 1) къ работамъ строго ученыхъ, требующимъ подготовки для ознакомленія съ ними, каковы, напр., университетскія лекціи проф. Г. А. Халатьянца, труды по отдѣльнымъ, специальнымъ вопросамъ проф. Н. Я. Марра, еще болѣе спеціальныя работы г. Эзова, еп. Месропа Теръ-Мовсисяна и т. под.; или 2) къ статьямъ въ Энциклопедическихъ Словаряхъ, весьма дѣльнымъ, но сухимъ и краткимъ, каковы, напр., статья Н. Адонца, І. Орбели и др.; или 3) къ сочиненіямъ, хотя и популярнымъ, но частью совершенно устарѣвшимъ и крайне наивнымъ, какъ, напр., книга г. Шопена, частью—непростительно поверхностнымъ, какъ, напр., недавно изданная брошюра г. Лагова. Во всѣхъ перечисленныхъ сочиненіяхъ собственно о художественныхъ достиженіяхъ армянской поэзіи въ прошломъ говорится очень немногое, болѣею частью—три-четыре строки. Добавлю, что въ послѣднемъ отношеніи лишь немногимъ богаче литература на другихъ языкахъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ.

ходить, по меньшей мѣрѣ, къ V столѣтію нашей эры. Но съ твердымъ сознаніемъ своей правоты, я могу сказать, что время не было мною потеряно даромъ. Мною была прочитана цѣлая бібліотека книгъ, на разныхъ доступныхъ мнѣ языкахъ (русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, латинскомъ, итальянскомъ), и я успѣлъ ознакомиться, какъ, до нѣкоторой стѣпени, съ армянскимъ языкомъ, такъ съ тѣмъ изъ армянской литературы, что могъ найти въ переводѣ. Это теоретическое изученіе закончилъ я поѣздкой по областямъ русской Арменіи, по Кавказу и Закавказью,—поѣздкой, во время которой могъ лично познакомиться со многими представителями современной армянской интеллигенціи, съ ея выдающимися поэтами, учеными, журналистами, общественными дѣятелями. Мнѣ удалось также, хотя и бѣгло, видѣть современную армянскую жизнь, посѣтить развалины нѣкоторыхъ древнихъ центровъ армянской жизни и побывать въ Эчмиадзинѣ, этомъ священномъ для всѣхъ армянъ мѣстѣ, гдѣ, по справедливому выраженію, «бьется сердце Арменіи». Мое маленькое путешествіе какъ бы увѣнчало первый періодъ моихъ работъ по Арменіи, позволивъ мнѣ подтвердить живыми впечатлѣніями кабинетныя соображенія и провѣрить по критикѣ или по одобренію авторитетныхъ лицъ тѣ выводы, къ которымъ я пришелъ, работая самостоятельно...

Все это я сообщаю отнюдь не для того, чтобы похвалиться достигнутыми мною результатами или своимъ трудолюбіемъ: напротивъ, я хорошо знаю, что сдѣланнаго мною еще слишкомъ недостаточно, чтобы имѣть право выставлять себя человѣкомъ, освѣдомленнымъ въ вопросахъ армяновѣдѣнія, что, напротивъ, откровенно указывая даты моего перваго знакомства съ исторіей и литературой Арменіи, я скорѣе подрываю довѣріе къ своимъ утвержденіямъ. Но, перечисляя свои работы, я хочу подчеркнуть тотъ живой, и глубокой интересъ, какой возбудило го мнѣ изученіе Арменіи. Конечно, никакія обязательства передъ издателемъ (а, въ данномъ случаѣ, никакихъ формальныхъ обязательствъ съ моей стороны не было вовсе), никакія внѣшнія соображенія не могли бы заставить меня,—или кого другого,—совершить весь этотъ трудъ, прочесть всѣ эти книги, столько учиться и такъ углубиться въ дѣло! Побудить къ этому могло лишь одно: то, что въ изученіи Арменіи я нашелъ неизсякаемый источникъ высшихъ, духовныхъ радостей, что, какъ историкъ, какъ чело-

вѣкъ науки, я увидѣлъ въ исторіи Арменіи—цѣлый, самобытный міръ, въ которыхъ тысячи интереснѣйшихъ, сложныхъ вопросовъ будили научное любопытство, а какъ поэтъ, какъ художникъ, я увидѣлъ въ поэзи Арменіи—такой же самобытный міръ красоты, новую, раньше неизвѣстную мнѣ, вселенную, въ которой блистали и свѣтились высокія созданія подлиннаго художественнаго творчества. И работа, начатая мною неохотно, принятая мною, какъ одна изъ очередныхъ литературныхъ задачъ, какія мы, писатели по-профессіи, должны бываемъ иногда выполнять, постепенно превратилась для меня въ завѣтное, страстно-любимое дѣло, которое заняло всѣ мои помыслы, которому я уже могъ отдаться, и не могъ не отдаться всей душой.

Чѣмъ глубже я вникалъ въ изученіе Арменіи, чѣмъ яснѣе вырисовывались предо мной очертаніе ея историческихъ судебъ и образы ея великихъ людей, прежде всего художниковъ (ибо на литературѣ, въ частности на поэзи, были преимущественно сосредоточены мои работы),—тѣмъ все настойчивѣе вставалъ предо мной укоръ въ томъ, что раньше я могъ такъ равнодушно проходить мимо этого міра. Уже давно судьбы древней Арменіи связаны съ судьбой великой Россіи; уже цѣлое столѣтіе значительная часть армянскаго народа живетъ въ предѣлахъ Россійской имперіи; армяне—наши сограждане, а еще не освобожденные отъ мусульманскаго ига армянскія области именно отъ русскихъ ждуть своего освобожденія. И, тѣмъ не менѣе, мы—громадное большинство изъ насъ—ничего, или почти ничего, не знаемъ объ армянахъ и Арменіи. Нужны міровыя катастрофы, нужны безпримѣрные ужасы турецкой рѣзни или дикаго преслѣдованія цѣлой націи (что имѣло мѣсто, напр., въ началѣ нынѣшней Великой войны), чтобы мы вновь обратили вниманіе на бѣдствія «многострадательнаго народа». Мы, русскіе, какъ и вся Европа, вспоминаемъ объ армянахъ лишь въ тѣ дни, когда имъ нужна бываетъ рука помощи, чтобы спасти ихъ отъ поголовнаго истребленія озвѣрѣвшими полчищами султана. Между тѣмъ есть у армянъ болѣе высокое право на наше вниманіе и на вниманіе всего міра: та высокая культура, которую выработалъ армянскій народъ за долгіе вѣка своего самостоятельнаго существованія, и та исключительно-богатая литература, которая составляетъ драгоцѣнный вкладъ Арменіи въ общую сокровищницу человѣчества.

Дальше, во вступительномъ очеркѣ, я сдѣлалъ попытку

вкратцѣ охарактеризовать различные этапы въ развитіи армянской поэзіи и отмѣтить высшія достиженія отдѣльныхъ армянскихъ поэтовъ прошлаго и современности. Здѣсь довольно будетъ сказать, что, изучая поэзію Арменіи, я много разъ оставался прежде всего въ изумленіи передъ исключительнымъ совершенствомъ ея отдѣльныхъ созданій. Народная армянская поэзія принадлежитъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ среди всѣхъ, какія мнѣ извѣстны: немногіе народы могутъ гордиться, что ихъ народныя пѣсни достигаютъ такого же художественнаго уровня, такъ изысканно-плѣнительны, такъ оригинально-самобытны, при всей ихъ непосредственной простотѣ и безыскусственной откровенности. Религіозная поэзія армянской церкви сохранила много созданій истинныхъ поэтовъ,—гимны, которые дышатъ тѣмъ же одушевленіемъ, какъ лучшіе образцы греческихъ и римскихъ гимнотворцевъ, но утонченностью своихъ художественныхъ приѣмовъ приближаются уже къ стихамъ новаго времени, вплоть до вдохновеній Верлена. Средневѣковая армянская лирика есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ побѣдъ челоувѣческаго духа, какія только знаетъ лѣтопись всего міра. Поэзія совершенно своеобразная, новая для насъ по своимъ формамъ, глубокая по содержанію, блистательная по мастерству техники, армянская поэзія среднихъ вѣковъ, въ своихъ лучшихъ образцахъ, можетъ и должна будетъ еще многому научить современныхъ поэтовъ: къ ней еще предстоитъ обратиться за уроками и за художественными откровеніями. Истинно прекрасное создали и лучшіе изъ ашуговъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ Саятъ-Нова, поэтъ XVIII в., величественный, многообразный, по-тютчевски чуткій и, какъ Мюссе, страстный: одинъ изъ тѣхъ «первоклассныхъ» поэтовъ, которые силой своего генія уже перестаютъ быть достояніемъ отдѣльнаго народа, но становятся любимцами всего челоувѣчества. Наконецъ, въ ново-армянской поэзіи есть рядъ именъ и рядъ созданій, которыя по праву могутъ стоять рядомъ съ чтимыми именами и прославленными созданіями западныхъ литературъ.

Давая этотъ восторженный отзывъ, я, конечно, имѣю въ виду *лучшихъ* представителей армянской поэзіи, *наиболѣе удачныя* ея созданія, ибо въ любой литературѣ вокругъ выдающихся талантовъ неизбѣжно группируются писатели рядовые и даже лица, обдѣленные дарованіемъ. Но и ряда тѣхъ поэтовъ, которыхъ армянская литература имѣетъ право выдвинуть въ своей исторіи

на первыя мѣста, совершенно достаточно, чтобы обезпечить ей вниманіе на всѣ вѣка, пока люди будутъ цѣнить достиженія искусства. Каждый вѣкъ послѣдняго тысячелѣтія, безъ исключенія, имѣетъ въ армянской поэзіи своихъ достойныхъ представителей: одинъ—больше, другой меньше, въ зависимости отъ общей эволюціи литературы. Григорій Нарекскій (X в.), Нерсесъ Благодатный (XII в.), Фрикъ (XIII—XIV в.), Константинъ Ерзынкайскій (XIII—XIV в.), Мкртичъ Нагашъ (XV в.), Оганнесъ Ерзынкайскій (XIV—XV в.), Григорій Ахтамарскій (XVI в.), Наапегъ Кучакъ (XVI в.), Нагашъ Ионатанъ (XVII в.), Саятъ-Нова (XVIII в.) и лучшіе поэты современной Арменіи, все это—имена, которыя должно помнить и чтить всѣмъ, кому дорога поэзія, наравнѣ съ именами любимыхъ лириковъ другихъ народовъ: Сапфо и Овидія, Гафиза и Омара-Хайама, Петрарки и Ронсара, Шелли и Тютчева, Гейне и Верлена...

Но въ то же время, армянская поэзія, взятая въ ея цѣломъ, представляетъ другой, также выдающійся интересъ: историческій. Поэзія всегда—вѣрное зеркало народной души; поэтъ, даже думая, что воспѣваетъ свои личныя, скромныя радости, свои личныя, маленькія скорби, бессознательно, непримѣтно для самого себя, всегда поетъ о великихъ торжествахъ или о великихъ печаляхъ всей своей родины; въ созданіяхъ художниковъ всегда воплощены переживанія родного народа. И многообразная исторія Арменіи, сплетенная за двадцать пять столѣтій съ судьбами всѣхъ народовъ нашего міра, ассиро-авилонянъ, древне-персовъ, грековъ, римлянъ, паревовъ, византійцевъ, новоперсовъ, арабовъ, монголовъ, турокъ-сельджуковъ и турокъ-османовъ, народовъ новой Европы, русскихъ, отчасти также съ судьбами Индіи, Китая, Африки, Америки,—эта исторія живыми отголосками, далекими эхо живетъ въ армянской поэзіи. Народы, давно сошедшіе съ міровой сцены, оставили слѣды въ народной душѣ Арменіи, и эти слѣды таинственно оживаютъ въ стихахъ армянскихъ поэтовъ. Прислушиваясь, мы слышимъ въ средневѣковой армянской лирикѣ отзвуки сѣдой, намъ еле вѣдомой старины... А въ созданіяхъ ново-армянской поэзіи оживаетъ передъ нами жизнь современной Арменіи, тоже мало-извѣстная намъ жизнь цѣлаго народа, своеобразная, красочная, также связанная незримыми нитями съ отдаленнѣйшими вѣками.

Для русскаго читателя армянская поэзія, въ ея цѣломъ, есть